

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Николай
КЕЛЛЕР

Чужой
РОДНОЙ
МУЖЧИНА

Николь Келлер

Чужой родной мужчина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70266982

SelfPub; 2024

Аннотация

– Мы не можем быть вместе! – кричу, не обращая внимания на слезы, потоком хлещущие из глаз.– Мы. Будем. Вместе, Марта! Хочешь ты этого или нет!– Я так не могу, Андрей. Ты не любишь меня и никогда не сможешь. В твоих мыслях до сих пор только Наташа. Только вот зачем тебе я?! – отворачиваюсь, прикрывая глаза, не в силах совладать с раздирающей меня болью.– Марта! – зло цедит Андрей и хватает меня за предплечье, пытаюсь остановить и развернуть к себе. Вырываю руку и бросаю, не оборачиваясь:– Прощай, Андрей. И будь счастлив.«И обязательно береги себя там, где меня нет рядом», – добавляю мысленно и ухожу быстрым шагом.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Марта	7
Глава 2	13
Марта	13
Глава 3	19
Марта	19
Глава 4	24
Марта	24
Глава 5	28
Марта	28
Глава 6	32
Марта	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Николь Келлер

Чужой родной мужчина

Пролог

– Я очень скучал по тебе, Марта. Ни одна женщина не цепляла меня так в жизни, как ты. Может, поедем ко мне, вспомним, как нам было хорошо?

Смотрю в глаза Жени и не вижу в них ничего, кроме желания, перевожу взгляд на руку на своем колене, потом снова в глаза бывшего любовника. И неожиданно улыбаюсь сладко-сладко. Двумя пальцами отрываю ладонь мужчины от своего колена, кладу ее ему на бедро и, наклонившись очень близко, я бы даже сказала интимно, произношу, едва касаясь губами уха:

– Я никуда с тобой не поеду. Между нами ничего больше не будет, дорогой, – и резко выпрямляюсь, садясь прямо и снова втянув в себя фреш.

– Почему? У тебя кто-то есть? – сейчас Женя, самоуверенный мужчина породы «сволочь и наглец», выглядит очень растерянным и даже обиженным.

– А что, Жень, это единственная причина, по которой я могу тебе отказать?

– Я – свободный мужчина, ты – ничем не обремененная

женщина, мы вполне подходим. Так почему бы нам время от времени не помогать друг другу?

– Потому что такой вариант мне больше не подходит. Старею, наверно. Или взрослею, – задумчиво пожимаю плечами, вставая со стула. – Удачи, Жень, в поисках.

Вечер испорчен. Я протискиваюсь сквозь толпу к выходу. Уже на полпути я чувствую, что кто-то взглядом прожигает мне спину. Останавливаюсь, озираясь по сторонам, но разве в такой толпе и при таком освещении можно разглядеть знакомое лицо? Тем более, когда не знаешь, кого конкретно ищешь.

Я укутываюсь поплотнее в пальто и выхожу на крыльцо подышать свежим осенним воздухом. Но кое-кто неугомонный не дает мне такой возможности.

– В последний раз предлагаю – поехали ко мне. Обещаю, что тебе будет хорошо, – Женя равняется со мной, приняв такую же позу.

– В последний раз повторяю – нет.

– Но почему, Марта?! Объясни мне, наконец! – Женя выходит из себя, что ему несвойственно. Видимо, действительно приперло. Смотрю на него внимательно, и мне становится на мгновение жаль этого мужчину. Но лишь на мгновение. Каждый сам выбирает свой путь. И если бывшему любовнику в его возрасте и статусе не претит такой образ жизни, беспорядочные связи и отсутствие каких-либо целей – это сугубо его выбор. Кто я такая, чтобы вмешиваться и осуждать?

Я хочу уже жестко ответить, как за моей спиной раздаётся хриплый и грубоватый голос, который желала услышать больше всего на свете за последние две недели:

– Потому что сегодня она уходит со мной.

Вот так. Жестко и безапелляционно. А может, это плод моего воображения? Может, это галлюцинация? Но нет, вот Женя тоже выглядит удивленным и обескураженным. Не в силах больше терпеть, я резко оборачиваюсь и тут же оказываюсь схваченной в плен невозможными омутами цвета морской волны.

– Андрей... – голос тут же осип, а я дрожу от волнения.

Глава 1

Марта

– Раз, два, три... Раз, два, три... Живее-живее, не отстаем! Аня, тяни носок! Раз, два... Ксюша, поворот направо, а не налево!!! Так, стоп!

Нашей требовательной руководительнице шоу-балета снова что-то не нравится. Ей всегда все не нравится. Не женщина, а один сплошной негатив. Откровенно говоря, не помню, когда она улыбалась. С другой стороны, эти вечные ее придирки и помогают поставить и отрепетировать номер так, что «от зубов отлетает». Но нервы при этом надо иметь железобетонные.

Хотя, наверно, если быть влюбленной в танцы, то на нервной системе это не отражается никак. Это воспринимаешь, как должное. Я же ненавижу род своих занятий с самого детства, а это не много не мало – шестнадцать лет.

Я никогда не хотела заниматься хореографией и балетными танцами, несмотря на то, что они помогли развить во мне такие черты характера, как: терпение, стремление к цели, упорство и трудолюбие, а бонусом шло идеальное тело. Но я не сказала ни слова против, когда моя мать в семь лет пришла и заявила, что я буду ходить в школу танцев.

И я ни разу слова не сказала про боль от кровавых мозолей, про боль от растянутых мышц и связок, про суставы, которые сейчас ноют при смене погоды. Ни слова. Ни разу за эти шестнадцать лет. Потому что я хотела хоть раз увидеть одобрение в глазах собственной матери, увидеть, что она гордится мной. Ни разу не сказала, что мечтой моей жизни с самого детства было играть на скрипке.

Но я так и не дождалась от нее ничего: ни любви, ни гордости за достижения своей дочери. Моя мать вечно была мной недовольна. И для меня давно не тайна, что она меня ненавидит за ее разрушенную мечту стать примой Государственного театра, потому что она так не вовремя забеременела мной в двадцать лет, отец настоял на браке, а после рождения меня не дал бросить месячную дочь и снова выйти на сцену.

У матери случилась послеродовая депрессия, заедание стресса, и, как следствие, лишние килограммы. Фигура «поплыла»: расширились бедра, грудь увеличилась и раздалась в форме, что противоречит канонам искусства балета. Чем subtilней и миниатюрней девушка, тем лучше. В общем, как бы не хотела моя мать вернуться на сцену в пачке и пуантах, так и не смогла: ее никто не ждал, да и балет не любит артистов в теле.

Моя мать ненавидела меня еще до моего рождения. Долгое время я ждала, что она меня начнет любить, приласкает или погладит по голове, когда у меня температура. Но нет. Чуда не случилось. Я, как и любой другой ребенок, искала

ласки и любви у окружающих. И мне повезло ее найти у отца и моей няни. Жаль только, что их больше нет со мной рядом, они так рано ушли из жизни, и мне приходится справляться с демонами матери в одиночку.

Когда начался подростковый период вкупе с юношеским максимализмом, я решила, что добьюсь своего, и моя мать полюбит меня. Заметит. Оценит. Я «сломаю» ее. И эта борьба продолжалась довольно долго, и вот в двадцать я сдаюсь. Я понимаю, что скорее Люцифер получит прощения у Бога, чем я у собственной матери за то, что появилась на свет. И я просто плыву по течению. Делаю то, что привыкла. В том же режиме. Как робот. Решила не менять ничего кардинально до тех пор, пока я не определюсь с планами на жизнь. Но, как оказалось, у судьбы на меня свои планы.

– Так не пойдет. Завтра репетиция на час раньше. Приходите все отдохнувшие и начнем прогон с того места, на котором остановились. Все свободны. Беккер, задержись, пожалуйста, – последнюю фразу хореограф говорит, поджав губы, что свидетельствует о ее крайне недовольном состоянии.

С хореографом Татьяной Борисовной у нас взаимные отношения: я не люблю танцы, но хожу на них по инерции, она не любит меня за то, что я не люблю танцы. Все просто. Да и, как говорила раньше, этой женщине невозможно угодить.

– Беккер, – опять эта ее привычка называть меня по фамилии, которая меня невероятно бесит. Татьяна Борисовна знает об этом, но продолжает так поступать. – Что за внеш-

ний вид?

– Что не так с моим внешним видом?

– Ты слишком бледная, и у тебя выросла грудь! – возмущению хореографа нет предела.

Тоже мне проблема. Да я уверена, что девяносто девять и девять десятых процента женщин, услышав данное заявление, скакали бы от радости. Буквально.

Но Татьяна Борисовна относится к той одной сотой процента, что воспринимает наличие груди более первого размера, как катастрофу. Ибо «не может прима скакать по сцене, тряся своими буферами необъятными».

– У меня всегда была грудь. Я же девушка, так что ничего сверхъестественного в том, что у меня есть такой половой признак, нет, – спокойно, но в то же время саркастично отвечаю я.

– Не такого размера. Дорогая моя, я знаю вас всех уже столько лет, что даже если ты отрежешь хотя бы три сантиметра своих волос, поверь, я замечу.

И это чистая правда. Наш хореограф отличается просто фотографической памятью и своей любовью к деталям. Именно поэтому ее постановки пользуются бешеным успехом. И фраза, брошенная вскользь потенциальному работодателю или в театре оперы и балета «я имела честь работать и танцевать в коллективе Кузьменко Татьяны Борисовны», оставляет вас единственным претендентом на вакантное место. Отбросив всю мишуру, сплетни и домыслы, стоит при-

знать, что Татьяна Борисовна – профессионал своего дела, любит его больше, чем кого бы то ни было в своей жизни (об этом говорит отсутствие семьи и детей в ее сорок лет) и равных ей по упорству и таланту я не встречала. Именно поэтому моя маменька всеми правдами и неправдами, заплатив бешеные взятки, пристроила меня под крылышко к Кузьменко, дабы постажировавшись у нее пару-тройку лет, я исполнила ее единственную мечту: выйти на сцену Государственного театра. Неважно, что это ЕЕ мечта, неважно, что рушится при этом МОЯ жизнь, а точнее сказать, в ней отсутствует смысл, ибо она наполнена исключительно механическими действиями: пробуждение, тренировки, строжайшая диета, тренировки, выступления, редкие вылазки в магазин или на встречи с немногочисленными друзьями (не знаю, можно ли так назвать людей, с которыми раз два-три месяца пью зеленый чай в каком-нибудь кафе или хожу в кино, дабы отключить свой мозг от реальности?).

– В общем, я не имею права лезть в личную жизнь своих сотрудников, но настоятельно рекомендую посетить гинеколога, чтобы, если ты беременна, я смогла найти тебе замену в кратчайшие сроки. Я не позволю каким-либо обстоятельствам рушить всю мою программу, – сухо произносит руководитель, задумчиво глядя в окно.

– Это все, я могу идти? – отвечаю ей в таком же тоне. На долю секунды мне становится стыдно: эта женщина не виновата в том, что я ненавижу танцы и вымещаю свое отношение

на ней. Не виновата в том, что я нужна своей матери только для того, чтобы закрыть ее личный гештальт. Не виновата в том, что я всю жизнь ощущаю себя одинокой в толпе.

Глава 2

Марта

Никто не верит, что с самого рождения я – средство достижения личной цели собственной матери. И я понимаю этих людей. Сложно их винить в чем-либо, потому что представить такую ситуацию в принципе невозможно. По крайней мере, нормальным здравомыслящим личностям.

Но как бы то ни было, моя мать – Аделаида Николаевна – не захотела даже имени выбирать для дочери: назвала меня Мартой, потому что я родилась двадцать второго марта. Поэтому зовут меня Беккер Марта Карловна. То еще сочетание.

Мой отец был чистокровным немцем, добрейшим человеком, которого я встречала за свои двадцать три года. И я до сих пор не понимаю, как он смог жениться на такой женщине, как моя мать.

Отец... Наверно до самой смерти тоска по единственному человеку, любившему меня чисто, беззаветно, не утихнет. Я была дорога ему только потому, что улыбаюсь, смеюсь и дышу. И даже несмотря на то, что мать до семи лет не обращала на меня внимания, это не омрачило моего детства. Говорят, что один родитель не может заменить другого, но мой отец опроверг это высказывание: кроме него мне никто не

был нужен, мне с лихвой хватало только его любви.

Когда однажды мать за ужином безапелляционно заявила, что я буду посещать балетную школу, папа сказал, что я могу не ходить, если не хочу. Аделаида Николаевна закатила грандиозный скандал, но папа стоял на своем – у ребенка должен быть выбор, и если я не хочу, то не буду посещать занятия по балету. Но я пошла, несмотря на то, что хотела стать скрипачкой. Хотела, чтобы мама убедилась: я достойна быть ее дочерью, меня можно любить и не стоит стыдиться или ненавидеть. Но, наверно, я все-таки плохая дочь, раз переубедить ее мне не удалось до сих пор.

Папа ушел скоропостижно. Рак. Сгорел буквально за месяц. Но до последнего вздоха продолжал меня любить и просил никогда не сдаваться, найти свою цель в жизни и мечту.

Однажды, пообщавшись в очередной раз с папой на его могиле, я приняла решение: я добьюсь цели, поставленной много лет назад моей матерью, потешу ее самолюбие и выступлю на сцене Государственного театра.

Но лишь один-единственный раз. Потом я стану жить для себя: найду работу мечты, любовь всей своей жизни и заведу лабрадора. А мать... я больше не буду доказывать ей, что меня можно любить. Не буду ждать от нее никаких проявлений чувств. В конце концов, я научилась жить и без этого. Мне уже давно не больно и не хочется выть по ночам в подушку.

Наверно, отчасти это благодаря тому, что я живу отдельно в огромной квартире с тех самых пор, как мне исполнилось

восемнадцать. Как я уже говорила, мой отец был истинным немцем – несмотря на его молодой возраст, он составил завещание, где квартиру бабушки (его матери) завещал только мне. А, может, это было его желание спасти меня от гнета Аделаиды Николаевны, ведь он знал и видел ее истинное отношение ко мне.

Я так и не могу объяснить, зачем еду к матери после репетиции: меня там все равно никто не ждет, как, в принципе, и в моей огромной холодной, абсолютно неудобной квартире. За исключением кактуса. И тот я завела лишь для того, чтобы поставить горшок на место на подоконнике, куда так неудачно уронила свечу, подпалив его. Но раз уж я завела растение, то приходится поливать раз в месяц и разговаривать, чтобы хотя бы Игореша не чувствовал себя одиноким.

Сегодня среда. Раньше, когда отец был жив, среда всегда была семейным днем – мы проводили вечер вместе, несмотря ни на что: читали вслух, смотрели фильмы, играли в шахматы и просто общались. Эту традицию ввел папа. Мою мать всегда тяготила среда. Ее недовольство было осязаемым. Но, несмотря на это, я все равно к ней еду.

– Здравствуй, мам, – устало говорю я, когда мать при полном параде распахивает дверь. Ее брови взметнулись вверх, выражая крайнюю степень удивления. Да уж, посещаю я ее нечасто. И совершенно точно ни разу не рвалась восстановить традицию «семейной среды». Потому что мы с мамой

напоминаем что угодно, но только не семью.

– Здравствуй, дочь. Не ожидала. Ты могла бы позвонить, вдруг бы у меня были гости, или меня вообще не было дома... – холодно бормочет мать. Чувствую себя назойливой соседкой, которая каждый день забегает за солью и все никак не дойдет до магазина.

– Мне уйти? – отвечаю в тон матери.

– Ой, не надо строить из себя оскорбленную невинность, я просто учу тебя правилам хорошего тона. Кто, как не мать, укажет тебе на твои ошибки!

Я молча снимаю куртку. Несмотря на то, что уже начало марта, весна не спешит в город. Холодная она нынче, как и сердце моей матери.

– Что-то случилось? – с безразличием интересуется Аделаида, разливая по чашкам чай.

– Нет, просто зашла в гости к матери. Сегодня среда, – ну, прекрати быть такой холодной, неужели у тебя совсем нет сердца?!

– И? – все тот же жест с поднятием левой брови, означающий «продолжай, не улавливаю твою мысль».

– Папа всегда называл ее «семейным днем», – поясняю Аделаиде Николаевне, сдерживаясь из последних сил, пытаюсь не схватить за плечи и не потрясти ее как следует. Просто из чистого любопытства. Чтобы узнать, есть ли у нее какие-либо иные эмоции, кроме безразличия, холодности и стервозности.

– Ах, это..., – мне кажется, или на лице у этой женщины проскользнуло раздражение? Но, в любом случае, ей удалось его умело скрыть, потому что в следующий момент на лице матери нет ни единой эмоции. Абсолютно. Высший пилотаж маскировки. Очевидно, сказываются годы практики.

Несмотря ни на что, я не чувствую ни злости, ни обиды на женщину, которая родила меня. Возможно, это моя личная психологическая защита, но каждый раз, когда вижу пренебрежение и даже обиду в ее глазах в свой адрес, вспоминаю, что, когда я болела в детстве, она все же худо-бедно лечила меня: приносила лекарства, пару раз мы лежали в больнице, и моя мать даже кормила меня грудью первые полгода моей жизни. Повторяю себе это, как молитву, и выдыхаю резко весь негатив. Вот прям как сейчас.

На этот мой жест Аделаида Николаевна резко вскидывает голову и, прищурившись, внимательно оглядывает меня с ног до головы.

– Ты что-то бледновата, дорогая, круги под глазами, мне кажется, или грудь увеличилась?

Опять двадцать пять! Да, в последнее время я тоже замечаю, что моя грудь стала объемнее, потому что нижнее белье, которое я надеваю «на выход», стало мне поджимать.

Но быть беременной я просто не могу: с появлением мужчины, и, как следствие, активной половой жизни, год назад я приняла меры. Все это время не было никаких осечек, критические дни приходят, как по звонку. Которые, кстати, за-

кончились неделю назад. Так что беременность я смело исключаю.

Да, в последнее время я чувствую усталость и тошноту, но все списываю на увеличенное количество репетиций в связи с предстоящим грандиозным шоу, и, как всегда, мой режим питания и дня полетел к чертям, отсюда и тошнота.

– Нет, мама, я не беременна, если ты об этом, – сухо парирую я.

– Хорошо, – женщина удовлетворенно поджимает губы. – Не повторяй моих ошибок.

Ошибка. Я всего лишь ошибка в жизни собственной матери. Никогда бы не подумала, что судьба настолько надо мной усмехнется, что я услышу эти слова в лицо.

Глава 3

Марта

Выйдя от матери, я медленно бреду в сторону остановки. Не пойму, что за апатия и меланхолия напали на меня. Точно не от слов Аделаиды: на них я давно уже отрастила броню толщиной с Китайскую стену. От замечаний о том, что у меня выросла грудь? Не смешите. Но как бы там ни было, домой к Игорешке идти совсем не хочется, тем более, я уверена, что моему кактусу и без меня хорошо.

Раз уж всех волнует, беременна я или нет, что ж, самое время посетить гинеколога. Тем более, я все равно собиралась проходить профилактический осмотр.

– Вы не беременны, – будничным тоном заявляет врач, заполняя мою карточку.

Я облегченно выдыхаю и одеваюсь. Нет, я не боюсь ответственности, не боюсь рожать. И уж точно не буду считать своего ребенка ошибкой. Просто на данном этапе моей жизни у меня нет уверенности в завтрашнем дне. Несмотря на то, что я танцую в шоу – балете, я хорошо зарабатываю. Уж точно выше среднего по меркам нашего города. У меня нет жилищных проблем. Но есть проблемы душевные: я не нашла «себя», несмотря на свой возраст, я не знаю, чего я хочу

от жизни. А раз у меня нет таких определенных понятий, как я могу воспитать ребенка, давать ему советы, чтобы он мог выбрать свой жизненный путь?

После его рождения уже будет поздно разбираться, на мои плечи ляжет колоссальная ответственность за маленького человечка. И я боюсь, что страх ошибиться, этот груз утянет меня в депрессию, из которой сложно будет выкарабкаться.

Да и положила руку на сердце, мой любовник, с которым мы встречаемся время от времени для «здоровья» – не лучшая кандидатура на роль отца моего ребенка. Вообще в принципе не вижу его отцом. А я придерживаюсь того мнения, что ребенку нужны и одинаково важны как мама, так и папа. Пусть он даже будет приходящим, пусть будет воскресным, главное, чтобы он принимал участие в жизни ребенка, и ему будет небезразлична судьба малыша. Чтобы сын или дочка были уверены, что если мама облажается в чем-то, то на папу можно рассчитывать, на его помощь и поддержку.

– Вот тут направления на анализы и УЗИ. Как сдадите, запишитесь дополнительно на прием к маммологу.

– А сейчас все в порядке со мной? Я здорова? – решаю уточнить.

– По моей части проблем нет, но раз у вас выросла грудь, и это стало заметно окружающим, то что-то не так. И чем скорее мы выясним причину, тем лучше для вашего здоровья.

– Хорошо, я поняла вас, спасибо.

Я выхожу из кабинета и задумываюсь. Внутри поселился

такой крохотный червячок, который грызет меня. Так, стоп. Никаких дурных мыслей раньше времени. Сначала пройду обследование, а потом уже пусть врач разбирается, что со мной делать. В конце концов, это их работа.

Из-за предстоящего выступления, на котором должны быть влиятельные люди, которые могут помочь мне пробиться в Государственный театр и исполнить мечту моей матери, необходимые процедуры удалось пройти лишь спустя неделю. Все это время меня тошнило, даже рвало пару раз. Сил с каждым днем становится все меньше. Это пугает меня до чертиков, так что УЗИ я ждала, как манны небесной.

Врач, проводящая обследование, очень сильно хмурится, молча заносит какие-то показатели в компьютер. Меня же не хило трясет в этот момент, все тело покрывается испариной, тошнота подступает к горлу. Несмотря на все это, я решаю дать возможность доктору довести обследование до конца и молча жду вердикта.

– Вы записаны к маммологу? – неожиданно спрашивает доктор.

– Да, а что такое? Что-то серьезное?

– Я не могу сказать, насколько все серьезно, я не специалист в этой области, тем более необходимо будет провести дополнительные обследования... Я лишь могу сказать только то, что мне удалось увидеть...

– Да не тяните уже, что там?! – неожиданно для себя самой рывкаю на ни в чем не повинного врача.

– У вас опухоль. В левой груди больше, чем в правой. Это очень редкий случай, когда опухоль появляется одновременно с двух сторон...

Дальше идут еще какие-то медицинские объяснения, термины, но я перестаю воспринимать реальность. Шок? Хуже. Это похоже на маленькую смерть.

Когда заболел отец, я часто слышала обрывки разговоров взрослых. И с того момента в моей голове отложились такие понятия, как: «злокачественная и доброкачественная опухоли», «пункция», «химиотерапия». И вот теперь, похоже, все это коснется и меня.

Я еще не знаю окончательного диагноза, но, быстренько прокрутив в голове все свои симптомы, готовлюсь к худшему.

Я не боюсь смерти. Просто обидно, что в свои почти двадцать четыре я ничего не добила в жизни, не исполнила свою самую заветную мечту, черт, да у меня ее и нет даже! Не познала настоящей любви и радости материнства...

Учитывая мои жизненные обстоятельства, я не питаю иллюзий относительно диагноза. Подтверждение моих догадок – лишь дело времени. Мне ничего не досталось в этой жизни просто так, никогда ни в чем не везло. Поэтому вряд ли высшие силы подкинут мне царский подарок, как «ошибка в диагнозе» или «ничего страшного, это естественный процесс». Нет, я больна, и даже для меня, не имеющей ни малейшего отношения к медицине, это очевидно.

– Девушка, вы меня слышите? – обеспокоенная врач трясет меня за плечо, заглядывая в глаза. Видимо, я так глубоко ушла в свои мысли, что перестала реагировать на окружающую действительность.

– Что, простите? Я задумалась.

– Я просто хочу сказать, что не стоит так накручивать себя раньше времени. Без дополнительного обследования рано делать какие-либо выводы, – пытается успокоить меня доктор, имени которой я даже не запомнила.

– Да-да, спасибо, я поняла, – с этими словами я, не глядя, беру листок с результатами и выхожу из кабинета.

Глава 4

Марта

Меня затянуло в пучину напряженных будней, как в водоворот: репетиции, выступления, бесконечные смотры, в перерывах между ними посещения больниц, как государственных, так и частных, сдача анализов, пункции, специалисты... В этой бешеной круговерти прошло около месяца. Даже мой день рождения оказался ничем не выделяющимся обычным днем. Как, в принципе, и всегда. Нет, мои многочисленные знакомые поздравляют меня, звонят, шлют смс, на работе даже подарили огромный букет и сертификат в СПА. Но это все не то. Нет приятных эмоций, нет рядом людей, с которыми хотелось бы разделить радость этого дня. Хотя вру. Единственный есть. И я просидела у его могилы до тех пор, пока не окоченели пальцы рук и ног.

И когда-то должно все устаканиться, прийти в норму. Ну, или взорваться, подобно атомной бомбе. Как это происходит в моем случае.

– Несмотря на то, что я работаю тут много лет, мне до сих пор больно говорить это моим пациентам... Марта, подтвердились худшие опасения, – доктор, тяжело вздохнул, снимая свои очки и потирая переносицу. – Хочу предупредить

сразу: отчаиваться не стоит. На данный момент я не могу дать вам никаких прогнозов, но одно могу сказать точно: вам необходима операция, курс химиотерапии и реабилитация. А дальше уже будет видно. Все зависит от вас и возможностей вашего организма. От настроения.

Я слушаю и медленно киваю в такт его словам. Человек так устроен, что как бы он себя не готовил к худшему, все его попытки – тлен. Нельзя подготовиться настолько, что когда тебе скажут: «Женщина, вы смертельно больны!», выдохнуть, беззаботно улыбнуться и сказать: «Фух, ничего страшного, фигня случается!». Нельзя. Нет на этой планете такого человека.

И я – не исключение. Несмотря на проводимые мною ежедневные психологические тренинги на тему «все хорошо, все обойдется, ты сильная, ты справишься», для меня это новость шокирующая. После услышанного диагноза по спине пробежался холодок страха, руки трясутся, а самой, напротив, хочется орать и крушить все вокруг. От бессилия и злобы. За что?! Что я сделала такого Вселенной, что она оставляет меня умирать в одиночестве?! Где я так успела согрешить?!

– Сколько мне осталось? – спрашиваю уважаемого профессора, едва сдерживая себя в руках.

– Марта, вы эти мысли бросьте! К счастью, вы успели вовремя, можно было, конечно, и раньше прийти, при первых же признаках, но, слава богу, вы успели до того, как болезнь

перешла на более опасную стадию. Сейчас главное – сделать операцию как можно скорее.

– Хорошо, доктор. Планируйте.

Я выхожу на улицу, останавливаюсь на крыльце, глядя на хмурое небо. Странно, почти середина апреля, а весна решила, что рановато она к нам в этом году явилась, и поэтому сейчас валит снег. Такие мелкие и колючие крупы. Они ложатся на мое лицо, руки и обжигают кожу. Вот только я ничего не чувствую, как будто все мои рецепторы умерли в тот момент, когда доктор вынес мне приговор. В том, что это именно так, я даже и не сомневаюсь, потому что передо мной пример отца: властный, сильный мужчина не справился с болезнью и ушел от нас, оставив меня совершенно одну, ненужной никому. Поэтому иллюзий я не строю: болезнь заберет и меня, вопрос только в том, когда это произойдет.

Мои мысли прерывает звонок телефона, что очень меня удивляет: звонят мне редко, чаще всего это лица, рекламирующие услуги своей организации.

– Марта Карловна? – приятный женский голос обращается ко мне по имени-отчеству.

– Да, я слушаю.

– Вас беспокоят по поводу просмотра в новую постановку в Государственный театр. Он состоится двадцатого апреля в десять утра. Хочу вас известить, что вы в числе приглашенных.

Я мрачно усмехаюсь сама себе. Было бы замечательно, ес-

ли бы не было так грустно. Ну что ж, хоть одно запоминающееся дело совершу перед смертью: исполню мечту матери.

– Спасибо большое, я обязательно буду!

Глава 5

Марта

Куда идет человек, когда ему плохо, нужна поддержка или просто мудрый совет? Правильно, к родителям. Сейчас не тот случай, когда поможет дружеский треп, поэтому поехать за утешением к Жене не вариант. Мне же некуда идти. Я брожу по улицам города, под колючим снегом, который усиливается с каждым часом. Очнулась только сейчас, когда перестаю чувствовать пальцы рук.

Я знаю, что это плохая идея, но откуда-то в моем сердце поднимает голову надежда: вдруг случится чудо?

– Здравствуй, дочь. Я смотрю, ты зачастила ко мне в последнее время, – удивленно бормочет мать, сторонясь и пропуская меня в квартиру. Чувствую себя надоедливой свекровью, которая постоянно ходит с проверкой холодильника к невестке. – Ты себя в зеркало вообще видела? Совсем запустила.

Да, я выгляжу неважно: черные круги от болезни, недосыпа и усталости, похудела, бледная, как смерть... Горько усмехаюсь: не такое уж это и беспочвенное сравнение.

– Да я к тебе ненадолго, не волнуйся, просто хотела поделиться новостями... – проговариваю, приваливаясь к стене и

даже не пытаясь раздеться. Так теплее. – Меня пригласили на просмотр.

Мать замирает, а потом ее глаза округляются от удивления. Но Аделаида быстро берет себя в руки и лишь коротко спрашивает:

– Когда?

– Двадцатого.

– Хорошо. Я освобожу этот день. Поеду с тобой. Лично проконтролирую. И если вдруг ты немного будешь не дотягивать, я поднажму на кое-кого. Ты будешь выступать в Государственном театре!

– Мама... – тихо и как-то обреченно произношу.

– Поверить не могу, неужели моя многолетняя мечта исполнится?! – кажется, она не слышит меня, витая в облаках, своих мыслях. Конечно, не хочется расстраивать ее в такой момент, но... мне нужна помощь. И я впервые за двадцать четыре года готова ее попросить у этой женщины, стоящей передо мной. Я бы ни за что не решилась на этот шаг, если бы не отчаяние, которое расплзается внутри меня, как бензиновое пятно на водной поверхности.

– Мама! – уже чуть громче.

– Так, где мой телефон? Я сейчас же наберу Татьяне Борисовне и договорюсь об индивидуальных репетициях для тебя, надо увеличить нагрузку, времени, конечно, мало, но она – профессионал своего дела, думаю, справится! – бормотание матери все больше походит на бред сумасшедшего

и становится последней каплей моего терпения.

– Мама!!! – ору во всю силу своих легких. – Услышь меня!!! – устала на эту чужую женщину, едва сдерживая слезы.

Она хмурит брови, прищуривает свои идеально подведенные глаза и, приняв, на первый взгляд, расслабленную позу, непонимающе смотрит на меня.

– Ну? Чего орешь на мать? Как на пожар, ей-богу... Со всем мозг поехал от безделья...

– Извини. Я лучше пойду. Хотелось просто поделиться новостями, это же так важно для тебя...

И ухожу, тихо прикрыв за собой дверь. В свой мир, где одиночество – мой верный спутник. В мир, где я никому не нужна. В мир, где после моей смерти меня никто и не вспомнит.

Придя домой, мысленно набрасываю план действий на ближайшее будущее, делаю зарубки в своей голове. Действуешь, как робот, скажут окружающие. Да, вы правы – соглашусь я. Потому что внутри меня – пустота. Внутри меня – Мариинская впадина с ее темной непроглядной бездной. Внутри меня – кладбище из напрасных надежд и несбывшихся желаний.

Замерзла. Не могу понять: то ли это от низких температур на улице, либо это лед внутри меня. Иду в ванну, чтобы согреться под горячими струями воды, на ходу сбрасывая одежду. Кипяток жалит мою кожу, словно рой разозленных

пчел, но я не чувствую. Абсолютно. Ни-че-го. Закрываю глаза, подставляя воде свое лицо. И в мыслях проносятся все кадры моей бесполезной жизни. И это выше меня. Сильнее. Как бы я ни старалась, я не смогу. Я не смогу бороться с этим в одиночку, хоть и должна. И осознание слов доктора накрывает меня, ударяя обухом по голове. Меня душат рыдания, вою в голос, как воют женщины в дешевых сериалах, которых бросил муж. Сползаю по стенке и обессиленно сажусь на дно ванной, а слезы бесконтрольно продолжают литься из моих глаз. Пусть. Есть такие слезы, которые надо выплакать обязательно. В любое время и в любом месте.

Глава 6

Марта

Операция, волей судьбы назначена через три дня после моего визита к матери. Никто не был в курсе, поэтому и поддержать меня некому. Но чтобы поддерживать, нужно хотя бы иметь друзей, ну, или близких, с кем ты готов поделиться своей бедой. У меня таких лиц нет. Может, оно и к лучшему? Не хотелось бы никого обременять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.